

Религиозный вопрос
в связи с народным образованием
как элемент системы
административного управления
в Киргизской Внутренней орде
во второй половине XIX в.

Евгений А. Гунаев

*Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия,
gunaeva@yandex.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается религиозный вопрос во взаимосвязи с проблемой народного образования в Киргизской Внутренней орде во второй половине XIX в. Неизбежное внедрение русских школ, олицетворявших гражданскую модель образования, привело к конкуренции исламского и гражданского образования. Исламское образование в Казахской степи изначально основывалось на деятельности татарских мулл. На примере документа комиссии Ф.К. Гирса 1873 г. и сведений, отраженных в публикациях дореволюционных исследователей А.Е. Алекторова и А.Н. Харузина о школьном образовании и религиозной жизни во Внутренней орде, показано, что с течением времени татарское влияние было признано имперскими властями нежелательным и противоречащим целям развития гражданственности у казахов, единения с русским этносом, построения единой гражданской нации. В этой связи стали выдвигаться проекты определенных ограничительных мер в отношении «татарского образования», а также протекционизм в торговой сфере. Вместе с тем, как представляется, в историческом развитии Внутренней Киргизской орды видны две противоречивые тенденции: с одной стороны, начало распространения европейского образования со строительством школ с преподаванием на русском языке, а с другой – усиленное внедрение ислама в повседневную жизнь казахов Джангер-ханом. Сфера образования нуждалась в постоянной заботе со стороны государства и местных властей в целях проведения эффективной аккультурационной политики среди кочевых инородцев. Одна из мер виделась в увеличении правительственных школ на русском языке с включением в программу изучения родного казахского языка и магометанского учения.

Ключевые слова: Российская империя; Киргизская Внутренняя орда; казахи; религиозный вопрос; народное образование; административное управление

Статья поступила в редакцию 15 января 2024 г.;

принята к публикации 20 мая 2024 г.

Для цитирования: Гуняев Е.А. Религиозный вопрос в связи с народным образованием как элемент системы административного управления в Киргизской Внутренней орде во второй половине XIX в. // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 62–80. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-62-80

The issue of religion
in connection with public education
as an element of the administrative management system
in the Kyrgyz Inner Horde
in the second half of the 19th century

Evgenii A. Gunaev

*Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Elista, Russian Federation, gunaevea@yandex.ru*

Abstract. This article examines the issue of religion in relation to the issue of public education in the Kyrgyz Inner Horde in the second half of the 19th century. The inevitable introduction of Russian schools, which embodied the civic model of education, led to a competition between Islamic and civic education. Islamic education in the Kazakh steppe was initially based on the activities of Tatar mullahs. By the example of the document from the F.K. Girs's Commission of 1873 and the information reflected in the publications by pre-revolutionary researchers A.E. Alektorov and A.N. Kharusina on school education and religious life in the Inner Horde, it is shown that, over time, the Tatar influence was recognized by the imperial authorities as undesirable and contrary to the goals of developing the civic-mindedness among the Kazakhs, to the unity with the Russian ethnic group and to the building of a united civil nation. In that regard, the projects of certain restrictive measures against the "Tatar education", as well as protectionism in the trade sphere, began to be put forward. At the same time, two contradictory trends seem to be visible in the historical development of the Kyrgyz Inner Horde: on the one hand, it was the initiation of European education resulting in the construction of the schools with Russian language teaching, and, on the other hand, there was an increased introduction of Islam into the daily life of Kazakhs by Dzhanger Khan. The field of education

needed constant care from the state and local authorities in order to carry out an effective acculturation policy among the nomadic aliens. One of the measures was seen in the increase of government schools practicing teaching in Russian with the inclusion in the curriculum of the native Kazakh language and the Mohammedan teachings.

Keywords: Russian Empire, Kyrgyz Inner Horde, Kazakhs, issue of religion, public education, administrative management

The article was submitted 15.01. 2024;
accepted for publication 20.05.2024.

For citation: Gunaev, E.A. (2024), “The issue of religion in connection with public education as an element of the administrative management system in the Kyrgyz Inner Horde in the second half of the 19th century”, *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 62–80, DOI: ?10.28995/2658-6541-2024-6-3-62-80

Введение

Во второй половине XIX в. с ликвидацией института ханской власти в Киргизской Внутренней орде и передачей управления ею в ведение Временного Совета все чаще ставился вопрос о реформировании устройства Орды с целью постепенного приближения к уровню управления в обычных российских губерниях. В ряду насущных вопросов, требующих своего решения, рассматривался религиозный вопрос, который был связан с вопросом народного просвещения, образования. Он сводился к тому, что поначалу российские власти, как центральные, так и губернского уровня, поощряли в определенной степени развитие ислама в казахской Степи, затем политика в корне изменилась, и ислам, религиозное обучение ему в школах Орды уже виделись своего рода угрозой российскому влиянию. Особая роль в приобщении казахов исламу отводилась татарским муллам, в этой связи во второй половине XIX в. российские власти негативно стали оценивать влияние татар на казахов в религиозной сфере.

Цель статьи – рассмотреть отдельные аспекты политики властей в отношении религиозного вопроса в Киргизской Внутренней орде во второй половине XIX в., а именно связь религии со школьным обучением, образованием. В задачи исследования входят следующие проблемы:

- причины актуализации религиозного вопроса во Внутренней орде в связи с образованием во второй половине XIX в.;
- предлагавшиеся решения указанной проблемы с точки зрения российских властей.

В дореволюционной историографии школьное образование в Киргизской Внутренней орде исследовалось А.Е. Алекторовым¹, А.А. Воскресенским², А.Н. Харузиным³. В советский период к названной теме обращались Б. Аспандияров [Аспандияров 2007], С.З. Зиманов [Зиманов 1982], Т.Т. Тажибаев [Тажибаев 1962]. В современной российской историографии проблемы народного образования и конфессиональной политики властей исследовались в работах С.А. Алешиной и С.И. Ковальской [Алешина, Ковальская 2018], Д.В. Васильева [Васильев 2018], П.К. Дашковского и А.С. Жанбасиновой [Дашковский, Жанбасинова 2020], Ю.А. Лысенко [Лысенко 2010], С.В. Любичанковского [Любичанковский 2023], З.А. Махмутова [Махмутов 2017], Р.Р. Нуреева [Нуреев 2006], А.В. Ремнёва [Ремнёв 2006], Е.А. Тарабановской [Тарабановская 2015], Г.А. Ташпекова [Ташпеков 2020]. Среди казахстанских авторов отметим работы Т.З. Рысбекова [Рысбеков 2014], а также коллективные работы исследователей [Мухатова и др. 2022; Шотанова и др. 2020]. Из зарубежных исследователей к вопросу о татарских муллах среди казахов и киргизов обращался А. Франк [Франк 1993].

В большинстве вышеперечисленных работ рассматривается собственно развитие школьного образования во Внутренней орде или же образовательная и конфессиональная политика в целом в Казахской степи. В настоящей работе автором исследуются отдельные аспекты указанной проблемы, а именно актуализация религиозного вопроса в сфере образования во Внутренней орде и видение ее решения с точки зрения российских властей.

В качестве источников анализируются документ комиссии МВД под руководством Ф.К. Гирса относительно реформирования устройства Внутренней орды на 1873 г.⁴, а также опубликованные труды А.Е. Алекторова и А.Н. Харузина.

Д.В. Васильев, рассматривая обсуждение и реализацию замыслов российского правительства в отношении управления Внутренней ордой, отмечает, что различные взгляды, проекты

¹ Алекторов А.Е. Очерки Внутренней Киргизской Орды (Окончание) // Известия Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического Общества / Географическое общество (Оренбургское). Вып. 3. Оренбург: Типо-Лит. Губернского правления, 1894. 71 с.

² Воскресенский А. Школьный альбом Букеевской Орды // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 3. Алма-Ата: Олке, 2001. С. 164–202.

³ Харузин А. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). М.: Тип. А.А. Левенсон, 1889. 255 с.

⁴ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 1–42 об.

по управлению Внутренней ордой, исходившие от оренбургских генерал-губернаторов, подтолкнули к созданию особой комиссии при МВД для изучения будущего административного переустройства Внутренней орды. 16 марта 1873 г. создание комиссии было одобрено императором. Комиссия работала под председательством члена Совета министров внутренних дел, тайного советника Федора Карловича Гирса (1824–1891) [Васильев 2018: 594]. Комиссия Ф.К. Гирса 19 ноября 1873 г. представила в Министерство внутренних дел результаты работы, оформленной «в виде пяти журналов, каждый из которых был посвящен рассмотрению одной из ключевых административных проблем и проекта штата ордынского управления» [Васильев 2018, с. 595]. В данной работе рассматривается часть документа комиссии Ф.К. Гирса на 1873 г. – «Народное образование в связи с религией»⁵.

А.Е. Алекторов (1861–1918 гг., по другим данным 1919 г.) – российский востоковед, историк, этнограф, педагог, являлся третьим инспектором народных училищ во Внутренней Киргизской орде с 6 октября 1886 г. по 1 августа 1894 г.⁶

А.Н. Харузин (1864–1932 гг.) – российский этнограф, в 1887 г., будучи студентом, был направлен во Внутреннюю Киргизскую орду для изучения этнографии и антропологии населяющих ее казахов. «После двух поездок молодой ученый опубликовал семь статей и двухтомную монографию “Киргизы Букеевской орды” (Вып. 1–2. М., 1889, 1891), которая была удостоена большой золотой медали Императорского Русского географического общества (ИРГО)» [Жеримова 2006, с. 112].

Народное образование в связи с религией

В названном разделе материалов комиссии Ф.К. Гирса отмечалось, что религиозный вопрос во Внутренней орде постоянно обращал на себя внимание как главного начальства края, так и местного управления. При этом комиссия указала на то, что религиозный фанатизм во Внутренней орде принял громадные размеры, «благодаря татарской пропаганде, успевшей захватить в свои руки и народное образование, и духовное настроение самого населения», хотя с первого взгляда Внутренняя орда, окруженная со всех сторон русскими губерниями, «могла бы, кажется менее, чем зауральские степи, подчиниться столь вредному даже и в политическом отношении влиянию»⁷. Комиссия

⁵ Там же. Л. 24–28 об.

⁶ Воскресенский А. Указ. соч. С. 196.

⁷ Там же. Л. 24.

указала на главные причины, послужившие основанием к такому выводу:

- 1) российские власти слишком лояльно относились к деятельности мусульманского духовенства во Внутренней орде, не противодействовали, но, напротив, как бы признавали своим долгом назначать ахуну и всему причту содержание от казны и поддерживать в Ханской ставке мечеть, имевшую некоторым образом историческое значение среди местного казахского населения. Кроме того, комиссии стало известно, что казахи посылали молодых людей в город Стерлитамак к Стерлибашевскому имаму для изучения обрядов мусульманства, откуда выходя, они поступали в указные муллы. «Муллы эти не только не оправдали доверия Правительства, а напротив того, сделались главными проводниками религиозного фанатизма среди народа, который по своему происхождению ничего не имеет общего с татарами»⁸;
- 2) у казахов Внутренней орды до перехода их из-за Урала ислам еще не был развит в такой степени, как во второй половине XIX в., когда его проводниками сделались татарские муллы, подчиненные Оренбургскому магометанскому духовному собранию, во главе которого стоял особый муфтий, игравший роль верховного попечителя всех местных мусульман;
- 3) бывшие главные начальники края, не принимая никаких особых мер против магометанства, не обращали должного внимания на противодействие татарским муллам посредством правильно устроенных школ с русским направлением; в деле народного образования они ориентировались на религиозное образование, как это было видно из переписки, производившейся во Временном Совете об учреждении народных школ в степи;
- 4) ставка при Рын-Песках стала местопребыванием по большей части не русских купцов, как бы следовало желать, а татарских, которые наравне с русскими пользовались беспопытным правом торговли и, таким образом, захватив в свои руки всю торговлю, выживали русских из единственного населенного пункта Орды⁹.

Указав, таким образом, на главные причины проявления мусульманского фанатизма во Внутренней орде, Комиссия считала долгом обратить внимание Правительства и на те меры, которые должны были быть приняты безотлагательно, «во избежание полнейшего торжества исламизма в Орде».

⁸ Там же. Л. 25.

⁹ Там же. Л. 25–26.

Меры эти виделись следующими:

- 1) упразднение должности указных мулл. На каждую волость должно приходиться двое мулл непременно из казахов с утверждения местного начальства;
- 2) муллы должны подчиняться непосредственно Министерству внутренних дел и начальнику губернии. Содержание им от казны прекращалось, а обществам предоставлялось право содержать их за свой счет с неперменным при том условии знания русского языка;
- 3) возведение мечетей во Внутренней орде позволять не иначе как с разрешения местного губернатора;
- 4) Министерство народного просвещения должно избрать наконец определенную систему преподавания в правительственных школах Внутренней орды по соглашению с местным начальством в целях сближения казахов с русскими. Открытие новых школ при мечетях если не совсем запрещалось законом, то, по крайней мере, должно было допускаемо с большой осторожностью. Учителя же этих школ должны быть только русские и казахи, «но, во всяком случае, не иначе, как с разрешения начальства»¹⁰.

По мнению комиссии, с присоединением Внутренней орды к Астраханской губернии, заведывание средствами, предназначенными для распространения образования между казахами Внутренней орды, в частности 10 стипендиями при Оренбургской гимназии, предлагалось перевести в г. Астрахань, как будущий центр гражданского управления этою ордою. Подобная мера представлялась тем более необходимой, поскольку воспитание казахов Внутренней орды в одном учебном заведении с зауральскими казахами, для которых в той же гимназии было открыто 20 стипендий, лишь поддерживало между ними дух сближения. Тогда как прямые государственные интересы России требовали, согласно выводам комиссии, «возможно большего разъединения их», для чего и предлагались комиссией ряд соответствующих мер как в административном, так и в других отношениях¹¹.

Существовавшие в то время во Внутренней орде школы при мечетях предлагалось подчинить надзору уездных начальников, которым вменить в обязанность, в случае замены ушедших по каким-либо причинам мулл, как в назначении их, так и в направлении школ руководствоваться вышеизложенными соображениями¹²;

¹⁰ Там же. Л. 26–27.

¹¹ Там же. Л. 27–27 об.

¹² Там же. Л. 27 об.

- 5) центральные для уездного управления местности должны пользоваться правами городских поселений, к которым, по представлению местного начальства, могло быть применяемо и городское положение. Льготами, предоставленными торговцам во Внутренней орде на праве ярмарок, согласно комиссии должны пользоваться исключительно русские. Мусульманам же это право не должно было предоставляться¹³;
- 6) на будущее время предлагалось вменить местному начальству в обязанность не допускать устройства во Внутренней орде населенных пунктов исключительно из мусульман, дозволяя последним лишь право временной торговли¹⁴.

В документе указывалось, что почти все указанные меры, одобренные Главным начальником Оренбургского края, уже вводились в Зауральской степи на основании проекта Временного положения¹⁵.

Исследователи А.Е. Алекторов и А. Харузин о религиозном вопросе в связи с образованием

Религиозную жизнь казахов Внутренней орды и школьное просвещение в ней исследовал А.Е. Алекторов. Он отмечал: «До вступления в управление ордой хана Джангира Букеева киргизы, за исключением весьма немногих султанов и ходжей, не имели почти никаких религиозных убеждений и были очень плохими магометанами (по суннитскому толку). Находя выгоды свои в обращении киргизов к магометанству, последний хан Букеевской орды весь высший класс успел напитать враждебной христианству и просвещению невежественной мусульманской гордостью и для распространения того же зла в простом народе набрал и образовал из татар целую армию мулл. Он первый построил в Ставке красивую мечеть с высоким минаретом. Чтобы служить примером народу, хан не оставлял ни одного намаза (молитвы) и пять раз в день посещал с султанами мечеть, в которой во время поста Рамазана и ночевал. Особенно торжественно устраивалось празднование Курбан-Байрама»¹⁶.

Как отмечал А.Е. Алекторов, ревизуя в 1861 г. школу в Ханской ставке, статский советник Плотников нашел ее в запущении и упадке, дети обучались только чтению и письму на русском и татарском

¹³ Там же. Л. 28.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 28–28 об.

¹⁶ Алекторов А.Е. Указ. соч. С. 6.

языках и магометанскому закону. Умственное и нравственное воспитание ордынского юношества совершалось под исключительным влиянием мулл. Результатом этой ревизии было отделение с 1864 г. обучения магометанскому закону от казахского языка, исключение из программы чтения и письма на арабском и персидском языках. Между тем мусульманские школы, утверждал А.Е. Алекторов, появлялись как грибы. Сознвая необходимость изъять образование казахов из рук туземного духовенства или, по крайней мере, уменьшить это влияние, председатель Временного совета полковник Герн в 1861 г. возбудил вопрос об учреждении школ при участковых управлениях. Впредь до учреждения постоянных школьных ставок предполагалось устроить при каждом правителе небольшое училище, где обучались бы дети русскому и киргизскому языкам и арифметике¹⁷.

Согласно А.Е. Алекторову, в Киргизской Внутренней орде потребность местного населения в начальном образовании год от года увеличивалась. Он полагал, что пройдет определенное время, и казахи, видя хорошее содержание детей своих, постоянную заботу о них, «должны будут искренне полюбить русскую школу, которая не только сообщает знание грамоты и вообще элементарные сведения, но и обучает киргизский народ государственному языку, знакомит его с порядком и устройством русской жизни и, таким образом, является связующим звеном (которого кроме школы негде найти) между киргизами и русским государством»¹⁸.

В 1890 г. А.Е. Алекторов в газете «Оренбургский листок» утверждал, что «киргизы Внутренней Букеевской орды стоят еще на очень низкой степени умственного развития. Смотри на их природные дарования, нельзя, однако же, допустить мысли, чтобы просвещение со своими благими последствиями не могло коснуться этого народа и внести, с течением времени, в сферу моральной и материальной его жизни условные кочевому быту улучшения и привести его, где это можно, к земледелию»¹⁹. Далее он отмечал: «Жалко, что в орде очень быстро распространяется “татарская грамота”. Везде, где только находятся муллы, держат они школы, в которые собираются обыкновенно от 25 до 50 и больше мальчиков; дети, нередко и взрослые, учатся здесь читать и писать по-татарски, а вместе с этим распространяется между ними мусульманский фанатизм, от вредного влияния которого орду, во что бы то ни стало, следует освободить»²⁰.

¹⁷ Там же. С. 16–17.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // Оренбургский листок. 1890. 2 дек. № 49. С. 2.

²⁰ Там же. С. 3.

В указанной статье А.Е. Алекторов приводит сведения из работы Н. Леванова «Киргизские школы в Букеевской орде» 1883 г.²¹ Школы, которые готовили мулл, носили два названия – мектебе и медресе. Те и другие летом располагались в кибитках мулл, а зимой – в мазанках-землянках. Преподавание в таких школах, как отмечал Н. Леванов, «не идет далее поверхностного ознакомления учащихся с чтением и письмом по-татарски да зазубривания некоторых текстов Корана, – зазубривания, конечно, бестолкового, без понимания смыслов текстов, ибо последние, как написанные на арабском языке, темны даже и для преподавателей, как незнакомых с языком арабов. Помимо сказанных жалких сведений, мектебе в лице своих мулл давали детям пространнейшие и подробнейшие понятия об учении пророка, заманивая их прелестями рая и устрашая той ужасной карой ада, которая ожидает отступников веры и великих грешников. Таким образом, учащийся после пятилетнего пребывания своего в мектебе выходит из него если не совсем ярым приверженцем учения пророка, но все же бывает достаточно наэлектризован прелестями Корана, для того, чтобы упорно держаться тех, иногда до крайности диких и бесшабашных, обычаев, которые освящены веками и идут из рода в род, от поколения к поколению, благодаря насадителям своим муллам, для которых очень важно все то, что патриархально и – главное – что служит на пользу их кармана»²².

Из этого А.Е. Алекторов делал вывод, что «лучшим, почти единственным и вполне надежным средством к пресечению распространяемого между киргизами зла в муллинских школах может быть распространение школ Министерства народного просвещения»²³. Он отмечает особую роль хана Джангера в распространении просвещения в Букеевской орде: «Мы привыкли смотреть на последнего хана Внутренней орды – Джангера Букеева, как на личность, исключительно заботившуюся о набивке своего кармана без разбора средств и источников, но есть чем и добрым помянуть хана Джангера. Рядом с мусульманством он положил начало истинному просвещению; какими бы соображениями при этом он ни руководствовался – все равно; главное, что им было положено начало просвещению»²⁴. А.Е. Алекторов приводит факты просветительской деятельности хана Джангера. Так, началом существования

²¹ Леванов Н. Киргизские школы в Букеевской орде // Народная школа: Педагогический журнал. 1883. № 9.

²² К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // Оренбургский листок. 1890. 2 дек. № 49. С. 3.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

школ в Букеевской орде с преподаванием русского языка следует считать 1841 г., когда была основана в Ханской Ставке Джангером школа. Целью основания этой школы было подготовить детей казахов в Неплюевский кадетский корпус.

А.Е. Алекторов цитирует письмо Джангер-хана Чуке Нуралиеву 10 апреля 1841 г.: «Известно вам, что в нынешние времена необходимо иметь познания не только в чтении и письме, но и в разных науках, без чего нельзя хорошенько выучиться закону правоверному, пророком Божиим нам данному; ни в особенности без познания русской грамоты быть хорошими должностным чиновником в орде, а именно родоправителем или депутатом. Вам известно, что без таких познаний скорее можно быть обманутым нехорошими людьми; незнание русской грамоты замедляет течение как судебных, общественных, так и частных ваших исков в обидах. Хотя великий Государь Всероссийский, по несказанной благодати своей, и допускает, что поныне должности сии занимают люди и безграмотные, но, это делая по великой добродетели своей и попечению об нас, вместе с тем открыл киргизам, как простым, так и знатым, доступ к образованию в оренбургском Неплюевском корпусе и в других учебных заведениях в Петербурге и награждает учившихся чинами и разными отличиями, через что не только они, но и дети их могут быть счастливы и причислены к почтенному и благородному сословию дворян русских, пользующихся многими преимуществами и богатством. Я объявляю вам о сем единственно по любви к народу, Богом и Государем мне вверенному, и опасаясь худых последствий. Сколько убежден я в истине этого, служит доказательством то, что и любимого сына своего, наследника ханского достоинства, султана Сахиб-Гирея, несмотря ни на его молодость, ни на слезы высокостепенной матери его, ни на смерть брата его, ни на значительные денежные издержки, я отдал в обучение в пажеский корпус Его Императорского Величества, где будет он находиться, доколе узнает все науки, для доброго управления нужные.

По всеподданнейшему прошению нашему, Государь Император, кроме Неплюевского училища, разрешил принятие детей ваших в институты лесной, корпуса путей сообщения и в училище гражданских инженеров, но для поступления в оные необходимо предварительно учиться чтению, письму и другим некоторым наукам. В настоящем году я полагаю открыть при Ставке моей училище, и все желающие отдать детей своих в обучение за умеренную плату могут обращаться ко мне с просьбами»²⁵.

²⁵ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // Оренбургский листок. 1890. 9 дек. № 50. С. 2.

А.Е. Алекторов отмечал, что как в этом письме, так и во многих других своих бумагах Джангер неоднократно убедительно говорит о пользе науки для казахов, «говорит так, как впоследствии не говорили даже русские чиновники, стоявшие во главе управления ордынцами; им, казалось, не было ровно никакого дела до того, будут просвещенными или нет букеевские киргизы»²⁶.

Так, например, Джангер писал каждому из родоправителей Внутренней Киргизской орды: «Я уверен, что вы употребите надлежащие старания к вразумлению друзей ваших и всех, кого следует, что если ныне науки приносят столь великую пользу, то внукам нашим и хорошо жить без них нельзя, что безграмотных и незнающих по-русски вовсе не будут определять в родоначальники и другие должности, что нам весьма полезно и выгодно иметь лекарей из киргизов, что всякое старание и всякая издержка денежная принесет во сто раз более плода, если она будет употреблена на обучение, нежели на всякое другое доброе дело, что неблагоприятно жалеть небольших на сие денежных издержек, ибо лучше употребить деньги нельзя, как на то, что приобрести знание святого закона Божьего и Его правды и через честную службу Государю и народу получить от великого Государя чины, богатство и благородное дворянское достоинство, а это могут дать одни только науки»²⁷.

Согласно А.Е. Алекторову, тем самым было положено начало просвещению в Букеевской орде, и народ был очень доволен тем, что хан открыл училище при своей Ставке и взял его под свое непосредственное наблюдение, о чем свидетельствовала записка есаула Карагула-Ходжи-Бабаджанова²⁸.

В заключение А.Е. Алекторов утверждал, что потребность местного населения в начальном образовании год от году увеличивалась и что, хотя каждый год часть прошений о принятии казахских детей в существующие школы не могла быть удовлетворена за неимением свободных вакансий, это красноречивее всего свидетельствовало о далеко не враждебном отношении местного населения к учрежденным школам с учителями из русских и почти с исключительным преподаванием на русском языке²⁹.

Исследователь А.Н. Харузин считал, что школьный вопрос в Букеевской степи был поставлен крайне плохо. Сама Ханская Ставка, центр управления орды, не имела даже маленькой библиотеки для служащих русских чиновников и представляла «верх

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // Оренбургский листок. 1890. 16 дек. № 51. С. 3.

отсутствия всякого просвещения»³⁰. Что же касалось народных казахских школ, то, как отмечал А.Н. Харузин, один взгляд на них, на эти полуразвалившиеся здания с покосившимися окнами и пробитыми стеклами показывал, что школьный вопрос был далеко не в блестящем положении³¹.

Во Внутренней орде довольно давно существовали русско-казахские школы с обязательным преподаванием на русском языке. В каждой школе работал русский учитель. Школы находились под прямым наблюдением «Инспектора народных киргизских школ», жившего в Ханской Ставке, а также в непосредственном ведении Министерства народного просвещения. Всего школ в Букеевской орде было восемь, 182 ученика. На каждую школу при населении в 236 937 чел. обоего пола приходилось не менее 34 419 чел.; или, как утверждал А.Н. Харузин, если принять, что 12% населения дети возраста учащихся (28 432), то получалось, на каждую школу должна была приходиться группа детей в 4061; таким образом, школьное образование получало всего только 0,5% всех детей, «невозможный минимум»³². Положение школьного вопроса в Букеевской орде осложнялось еще и тем, что, помимо русско-казахских школ, имелись школы татарско-киргизские, так называемые «медресе» и «мехтебе», пользовавшиеся большим успехом. Их в степи было известно 74, руководили ими обычно татарские муллы; на каждую такую школу в среднем приходилось 27 учащихся или примерно до 2000 воспитанников, что составляло 7% всего детского населения степи, т. е. в 13 раз больше, чем в русских школах³³.

В татарских школах преподавали детям татарскую грамоту и магометанскую религию. Как считал А.Н. Харузин, «нет никакого сомнения, что такие рассадники татарской, враждебной для русских культуры, кроме вреда, нам ничего не приносят. Воспитывать киргизов на традициях магометанства и создавать, и усиливать таким образом татарскую национальность не может входить в цели нашего государства»³⁴. А.Н. Харузин одобрял проект Временного совета по управлению Внутренней ордой 1888 г., в котором предлагалось увеличение количества русско-казахских школ, учреждение городских и уездных училищ, ремесленных школ и упразднение школ с татарской грамотностью. Как полагал А.Н. Харузин, во-первых, этим была бы достигнута большая образованность среди казахов, распространилось бы влияние русских вместе с распространением

³⁰ Харузин А. Указ. соч. С. 158–159.

³¹ Там же. С. 159.

³² Там же.

³³ Там же. С. 160.

³⁴ Там же.

русского языка, была бы дана возможность казахам не останавливаться на начальном образовании и идти дальше: в городское и уездное училище. Наиболее желательным, по мнению А.Н. Харузина, виделся проект учреждения ремесленных училищ в степи³⁵.

В отношении упразднения школ с татарской грамотностью А.Н. Харузин ссылается на следующий вывод, полученный в результате своего рода опроса: «Киргизы посмотрят на закрытие татарских школ снисходительно, так как строгость обращения с детьми (при преподавании) со стороны мулл и частных лиц, ведущих обучение в татарских школах, заставляет киргизов тяготиться ими; с другой стороны, мягкое, гуманное обращение русских учителей, этих подчас невидных и скромных тружеников, поражает киргизов и располагает к русскому преподаванию. Неоднократно приходилось слышать благодарность со стороны киргизов учителям и правительству, учредившему даровые школы, так много дающие киргизу»³⁶.

В Букеевской орде к тому времени татарские муллы уже не были единственными просветителями ислама. Казахи сами впитали уже настолько ислам, что среди них появились собственные муллы, хотя встречались муллы и из татар. А.Н. Харузин отмечает тот факт, что прошло немногим 50 лет, как в Букеевской степи в Ханской Ставке была построена первая мечеть, «в которую Джангиру приходилось киргизов нередко загонять плетью, а теперь этот же киргиз не только строит мечети сам, не только охотно посещает их, но выступает уже муллою, проповедником и ревнителем ислама...»³⁷.

Из этого А.Н. Харузин делал вывод: «Как вредно и с какой силой и быстротой сказалось влияние татар на киргизов и насколько важно приостановить это влияние в киргизских степях»³⁸.

Вместе с тем в литературе встречаются и иные трактовки роли русских и мусульманских школ среди казахов Внутренней орды. Так, астраханский губернатор Е.О. Янковский 15 октября 1882 г. писал попечителю Оренбургского учебного округа, что привлечь киргизов к каким-либо денежным сборам по содержанию школ не представлялось возможным ввиду их обеднения и состоявшего на них долга от неуплаты ими податных недоимок и денежных ссуд. Поэтому, поддерживая мнение председателя Временного совета по управлению Внутренней Киргизской ордой, он считал возможным проводить переустройство ордынских школ только за счет казны. Он высказался также против сокращения школ путем их объединения, так как казахское население не сможет посылать своих детей

³⁵ Там же. С. 158–164.

³⁶ Там же. С. 161.

³⁷ Там же. С. 164.

³⁸ Там же.

в дальние школы. Также он привел возражения против перевода казахских школ в русские села и обучения казахских детей совместно с русскими. По его мнению, «ни один киргиз не согласится развивать умственную деятельность своего ребенка в ущерб религиозной» [Тажибаев 1962, с. 122]. Е.О. Янковский считал, что причиной, побуждавшей казахов отдавать своих детей в правительственные школы, являлся «материальный расчет», так как дети находились на попечении в трудные для казахов зимние месяцы. И если лишить их этого, закрыть им некоторые школы, то казахи предпочтут учить своих детей не в русских школах, а у себя дома в мусульманских. Он утверждал, что «русская школа, игнорируя изучение не только татарского, но и даже родного киргизского языка, теряет в глазах киргизов свое значение» [Тажибаев 1962, с. 123]. Чтобы усилить русское влияние на казахское население, О.Е. Янковский считал необходимым увеличить число русских школ, включить в их программу изучение казахского языка и магометанского вероучения. Кроме того, он рекомендовал при школах создавать огороды, знакомить детей с обработкой животноводческих продуктов и земледелием. Он рекомендовал также засевать силами учащихся несколько десятин земли, что, по его мнению, было крайне необходимо ввиду большого стремления казахов к земледелию. Поэтому при введении практических занятий по сельскому хозяйству «правительственные школы имели бы громадное значение в глазах кочевников, и при улучшении их экономического состояния они могли бы принять содержание школ на свои средства» [Тажибаев 1962, с. 123].

Заключение

Одним из важных элементов административной системы управления кочевыми инородцами Российской империи являлся религиозный вопрос, тесно связанный со школьным образованием. Неизбежное внедрение русских школ, олицетворявших гражданскую модель образования, приводило к конкуренции с традиционным образованием, преподаваемым в религиозных учреждениях татарскими муллами. Как отмечается в историографии, на первых этапах инкорпорации Казахской степи в Российское государство власти поощряли развитие ислама, предвидя в строительстве стационарных религиозных объектов (мечетей) путь приобщения кочевников к оседлости. Затем с течением времени, когда религиозная образованность казахов возросла настолько, что появились муллы из казахов, татарское влияние было признано имперскими властями нежелательным и противоречащим целям развития гражданственности у казахов, единения с русским этносом, построения

единой гражданской нации. В этой связи стали выдвигаться проекты определенных ограничительных мер, направленных на образовательную сферу и торговый протекционизм. Эти меры выделялись в усилении административного надзора, увеличении числа русско-казахских школ, запрета школ с татарским образованием, ограничении торговли и поселения татарских купцов во Внутренней орде.

Вместе с тем, как представляется, в историческом развитии Внутренней Киргизской орды видны две противоречивые тенденции: с одной стороны, начало распространения европейского образования со строительством школ с преподаванием на русском языке и с русскими учителями, а с другой усиленное внедрение ислама в повседневную жизнь казахов Джангер-ханом. Однако со смертью Джангер-хана школы во Внутренней орде постепенно приходят в запустение, что требовало принятия неотложных правительственных мер. Это показывает, что указанная сфера нуждалась в постоянной заботе со стороны государства и местных властей в целях проведения эффективной аккультурационной политики среди кочевых инородцев. Одна из мер выделялась в увеличении правительственных школ на русском языке с включением в программу изучения родного казахского языка и магометанского учения.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Acknowledgment

The study was carried out under the government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

Литература

- Алешина, Ковальская 2018 – *Алешина С.А., Ковальская С.И.* Деятельность оренбургских губернских властей по просвещению «инородцев» во второй половине XIX века // Новый исторический вестник. 2018. № 4 (58). С. 6–18. DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00030
- Аспандияров 2007 – *Аспандияров Б.* Образование Букеевской Орды и ее ликвидация. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2007. 400 с.
- Васильев 2018 – *Васильев Д.В.* Бремя империи: Административная политика России в Центральной Азии: Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.

- Дашковский, Жанбасинова 2020 – *Дашковский П.К., Жанбасинова А.С.* Мусульманская религиозность казахов в условиях реализации имперской политики России // *Былые годы.* 2020. № 1 (55). С. 57–66. DOI: 10.13187/bg.2020.1.57
- Зиманов 1982 – *Зиманов С.З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.
- Керимова 2006 – *Керимова М.М.* Научное наследие этнографов Харузиных // *Вестник архивиста.* 2006. № 1. С. 109–123.
- Лысенко 2010 – *Лысенко Ю.А.* «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета.* 2010. № 4–3 (68). С. 146–152.
- Любичанковский 2023 – *Любичанковский С.В.* Имперская политика аккумуляции юго-восточного фронта самодержавной России и система «инородческого» образования Оренбургского края в условиях ускоренной пореформенной модернизации. Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс «Университет», 2023. 260 с.
- Махмудов 2017 – *Махмудов З.А.* Духовная и образовательная деятельность татар в казахской Степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX в.) // *Самарский научный вестник.* 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 113–117.
- Мухатова и др. 2022 – *Мухатова О.Х., Кабульдинов З.Е., Каипбаева А.Т., Козыбаева М.М.* Дореволюционная историография системы народного просвещения казахов в XIX – начале XX в. // *Былые годы.* 2022. № 1 (17). С. 145–156. DOI: 10.13187/bg.2022.1.145
- Нуреев 2006 – *Нуреев Р.Р.* Национальные школы Нижнего Поволжья в последней трети XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 26 с.
- Ремнёв 2006 – *Ремнёв А.В.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // *Вестник Евразии.* 2006. № 4. С. 5–32.
- Рысбеков 2014 – *Рысбеков Т.З.* Место и роль духовенства в Букеевской Орде // *Вестник Академии знаний.* 2014. № 2 (9). С. 20–25.
- Тажигаев 1962 – *Тажигаев Т.Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. Алма-Ата: Казгосполитиздат, 1962. 508 с.
- Тарабановская 2015 – *Тарабановская Е.А.* Просветительская деятельность инспекторов народных училищ в Букеевской орде в XIX в. // *Научное обозрение: Педагогические науки.* 2015. № 3. С. 116–116.
- Ташпеков 2020 – *Ташпеков Г.А.* Просветительская деятельность хана Джангира во Внутренней (Букеевской) орде // *Образование в современном мире: Сб. науч. статей / под ред. Ю.Г. Голуба.* Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2020. Вып. 15. С. 346–341.
- Франк 1993 – *Франк А.* Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII–XIX вв. // *Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи: [Сб. статей] / АН Татарстана, Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова; [Редкол.: Г.Ф. Валеева-Сулейманова (отв. ред.) и др.].* Казань: ИЯЛИ, 1993. С. 124–131.

Шотанова и др. 2020 – Шотанова Г., Ужкенов Е., Ермекбаев А. Материалы Петровского общества о развитии народного образования в Букеевской орде // Электронный научный журнал «Edu.e-history.Kz», 2020. № 3. С. 276–290. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/390> (дата обращения 11.03.2024).

References

- Aleshina, S.A. and Koval'skaya, S.I. (2018), "The efforts of the Orenburg provincial authorities to establish basic education among indigenous peoples in the second half of the 19th century", *The New Historical Bulletin*, vol. 58, no. 4, pp. 6–18.
- Aspandiyarov, B. (2007), *Obrazovanie Bukeevskoi Ordy i ee likvidatsiya* [Bukeev Horde. Its emergence and abolition], Qazaq Entsiklopediyasy, Almaty, Kazakhstan.
- Dashkovskii, P.K. and Zhanbasinova, A.S. (2020), "The Muslim religiosity of the Kazakhs in the context of the Imperial policy of Russia", *Bylye Gody*, vol. 55, no. 1, pp. 57–66.
- Frank, A. (1993), "Tatar mullahs among Kazakhs and Kirghiz in the 18th – 19th centuries", in Valeeva-Suleimanova, G.F., ed., *Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda: istoki, traditsii, vzaimosvyazi: [Sbornik statei]* [Culture, art of the Tatar people. Origins, traditions, interrelations. Collected articles], Academy of Sciences of Tatarstan, Kazan, Russia, pp. 124–131.
- Kerimova, M.M. (2006), "Scientific heritage of the Kharuzins, the ethnographers", *Herald of an Archivist*, no. 1. pp. 109–123.
- Lysenko, Yu.A. (2010), " 'Tatar issue' in the confessional policy of the Russian Empire in Kazakhstan (the end of the 18th – the early 20th centuries)", *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 68, no. 4–3, pp. 146–152.
- Lyubichankovskii, S.V. (2023), *Imperskaya politika akkul'turatsii yugo-vostochnogo frontira samoderzhavnoi Rossii i sistema «inorodcheskogo» obrazovaniya Orenburgskogo kraia v usloviyakh uskorennoi poreformennoi modernizatsii* [The imperial policy of acculturation of the southeastern frontier of autocratic Russia and the system of "foreign" education of the Orenburg region in the context of accelerated post-reform modernization], Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks «Universitet», Orenburg, Russia.
- Makhmutov, Z.A. (2017), "The spiritual and educational activities of the Tatars in the Kazakh steppe in the context of the Russian empire's internal policy (the second half of the 18th – the beginning of the 20th century)", *Samarskii nauchnyi vestnik*, vol. 6, no. 1 (18), pp. 113–117. Mukhatova, O.Kh., Kabul'dinov, Z.E., Kaipbaeva, A.T. and Kozybaeva, M.M. (2022), "Pre-Revolutionary historiography on the public education system for the Kazakhs in the 19th – beginning of the 20th centuries", *Bylye Gody*, vol. 17, no. 1, pp. 145–156.
- Nureev, R.R. (2006), *Natsional'nye shkoly Nizhnego Povolzh'ya v poslednei treti XIX – nachale XX v.* [National schools of the Lower Volga region in the last third of the 19th – early 20th centuries], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Kazan, Russia.

- Remnev, A.V. (2006), “Tatars in the Kazakh steppe. Companions and rivals of the Russian Empire”, *Acta Eurasica*, no. 4, pp. 5–32.
- Rysbekov, T.Z. (2014), “The place and role of the clergy in the Bukeev Horde”, *Vestnik Akademii nauk*, vol. 9, no. 2, pp. 20–25.
- Tarabanovskaya, E.A. (2015), “Educational activities of public schools’ inspectors in Bukeev Horde in the 19th century”, *Nauchnoe obozrenie: Pedagogicheskoe nauki*, no. 3, pp. 116–116.
- Tazhibayev, T.T. (1962), *Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX v.* [Education and schools of Kazakhstan in the second half of the 19th century], Kazgospolitizdat, Alma-Ata, USSR.
- Tashpekov, G.A. (2020), “Educational activity of Khan Dzhangir in the Inner (Bukeev) Horde”, in Golub, Yu.G., ed., *Obrazovanie v sovremennoy mire: Sbornik nauchnykh statei* [Education in the modern world: Collected scientific articles], iss. 15, Izdatel’stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia, pp. 346–341.
- Shotanova, G., Uzhkenov, E. and Ermekbaev, A. (2020), “Materials of the Petrovskii society on the development of public education in Bukeev Horde”, *Electronic Scientific Journal “Edu.e-history.Kz”*, vol. 3, 276–290, available at: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/390> (Accessed 11 March 2024).
- Vasiliev, D.V. (2018), *Bremya imperii: Administrativnaya politika Rossii v Tsentral’noi Azii: Vtoraya polovina XIX v.* [The Imperial burden: Russia’s administrative policy in Central Asia, mid-to-late nineteenth century], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.
- Zimanov, S.Z. (1982), *Rossiia i Bukeevskoe khanstvo* [Russia and the Bukeev Khanate], Nauka, Alma-Ata, USSR.

Информация об авторе

Евгений А. Гунаев, кандидат юридических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия; 358000, Россия, Республика Калмыкия, Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8; gunaeva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-7173-4170

Information about the author

Evgenii A. Gunaev, Cand. of Sci. (Law), Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences; 8, Ilishkin St, Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000; gunaeva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-7173-4170